

УДК 141.7:316

ДИСКУРСИВНОСТЬ И ТЕЛЕСНОСТЬ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Коваленко Инна Игоревна

Кальницкий Эдуард Анатольевич

к.филос.н., доценты

Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого

г. Харьков, Украина

Аннотация: в статье исследован опыт неклассического философского постижения взаимосвязи смысла, значения и действия. Рассмотрена зависимость смысла от дискурсивных практик и языковых игр. На основе постструктуралистской и посмарксистской исследовательских стратегий показана роль дискурса в контексте соотношения телесности и властных практик. Обозначены особенности транссемиотических компонентов человеческой коммуникации.

Ключевые слова: неклассическая рациональность, философия языка, языковая реальность, дискурс, семиотика, телесность

Диалектика смысла и действия традиционно считается одной из наиболее актуальных социально-философских проблем. Исследуя человеческое бытие, М. Шелер подчеркивал символичность мира, парадоксальности человеческого бытия, амбивалентности приобретения и потери, свободы и неприкаянности [1]. Универсальный фактор, обуславливающий и подтверждающий такую парадоксальность, предложен Г.-Г. Гадамером в рамках философской герменевтики. Это – язык, атрибутированный множественностью, вариативностью и избыточностью. Выражая опыт пребывания человека в мире, язык в то же время особым образом конституирует мир, а выражение мира становится равнозначно его созданию.

С другой стороны, феноменология Е. Гуссерля обусловила понимание мира, данного человеку не непосредственно, а сквозь призму смыслов, подчеркнув, что смыслы не постигаются, а продуцируются, вследствие чего реальность заточена в смыслы как в скафандр [2].

Смысл, таким образом, был поставлен в зависимость от дискурсивных практик и языковых игр; сама же речь, по мнению представителей прагматического, лингвистического и герменевтического направлений, была наделена статусом трансцендентальности и возможностью производить новые значения и смыслы вне воли человека. Соответственно, в условиях, когда «играет сама игра, втягивая в себя игроков» [3, с. 565], язык не только возвышает человека над природой, но и блокирует доступ к реальности, которая всегда дана в лингвистической обертке.

В условиях замены гипотетической объективной реальности реальностью смыслов и значений закономерным следствием стал отказ от представлений о репрезентации, «разрушение понятия «знака» и всей его логики» [4, с. 120]. В таком мире понятия смысла и значения становятся синонимичными и взаимозаменяемыми, образуя трансрепрезентативную гиперреальность и фактически утверждая торжество уровня значения.

Дискурсивный характер человеческого мира полномасштабно представлен в семиологической теории Г. Барта. Считая, что «любой материал можно произвольно наделить значением» [5, с. 266], философ отмечает, что человек, вздымаясь над действительностью, сам творит мир, не «сверяясь» с реальностью. Итак, мир оказывается универсумом мифов и произвольных значений. Такие значения мотивированы не столько реальностью или истиной, сколько господствующим дискурсом – имманентными закономерностями идеологического, политического, социального и общественно-культурного характера.

В работе «S/Z» Г. Барт подчеркивает, что субъектность состоит из усвоенных значений: «мое я – это вовсе не безгрешный субъект, предшествующий тексту... Мое «я» ...есть воплощенное множество других текстов, бесконечных или,

точнее, утраченных ... кодов» [6, с. 53]. В итоге, «будучи сугубо книжного происхождения, все эти коды... претендуют на то, чтобы служить основой самой реальности, «Жизни» [6, с. 299].

Если в пределах дискурсов в качестве практик коммуникации люди обмениваются значениями, то из этого следует, что дискурсивизм становится характеристикой бытия социальной реальности, а также логически обуславливает содержание коммуникативных практик. Правда, и «не существует и текста как законченного целого» [6, с. 48], ибо человеческий мир, несмотря на его замкнутость, является богатым и содержательным в аспекте множественности значений, его составляющих.

Особое место в современной западноевропейской мысли принадлежит теории политического дискурса, основы которой заложены постструктуралистскими (А. Грамши, Л. Альтюссер, Ж. Деррида, М. Фуко) и постмарксистскими теоретикам (Е. Лаклау, Ш. Муфф).

Представителями постструктуралистского направления объявлено «развоплощение» субъекта, конституированного вследствие над-субъективных реальностей (бессознательное, язык и дискурс) и исследуемого преимущественно в аспекте соотношения телесности и дискурса власти.

Для постмарксистов Э. Лаклау и Ш. Муфф дискурс – это поле осмысленности, среда, где образуются смыслы и значения. При этом авторы отмечают, что конституированность чего-либо как объекта дискурса не предусматривает обязательную отсылку к внешнему миру. Иными словами, отрицается то, что объекты могут конституировать себя как таковые вне дискурсивного условия своего проявления [7-9]. При таком понимании, дискурс уже не определяется как медиатор между разумом и внешним миром, а является областью, первичной по отношению к идентичности; по сути, дискурс становится единственной реальностью, доступной для изучения, а объекты вне дискурса не существуют вообще. Отсюда любой объект из поля социального, например, практика проявления определенной политической воли, является таковой в

силу конкретной конфигурации дискурсивного поля, определяющего смысловое наполнение объекта.

Одним из специфических моментов теории дискурса Е. Лаклау и Ш. Муфф является динамичность дискурсивной системы – ее постоянный контакт с другими дискурсивными системами, которые, с одной стороны, способствуют необходимой ограниченности конкретной структуры, а с другой – постепенно разрушают ее путем вторжения в системную организацию, выступая как логическое противоречие. Как следствие, момент дис-локации (разрушения системности смыслонаделения) ведет к образованию новых смысловых связей благодаря «эмансипаторности» отдельных элементов и артикуляции их новых значений.

Такие особенности дискурсивной теории Е. Лаклау и Ш. Муфф отразились и на выборе главных объектов эмпирического изучения, которыми стали артикуляционные практики, циркулирующие в обществе и отражающие состояние смыслового поля. В итоге, исследователи пришли к утверждению о «невозможности общества» как такового [8], социальной критике возможности построения мультикультурного общества [9] и утопичности концепта «без-антагонистического общества» в либеральных теориях демократии. Данная теория не лишена определенных дискуссионных моментов, однако может обнаружить продуктивный методологический потенциал при анализе процессов политической борьбы, формировании политических идеологий и образовании социальных идентичностей.

Следует также учитывать, что в течение коммуникации происходит не только созидание значений и обмен ими; понимание оказывается не только как достижение определенной точки зрения, но и как процесс, сопряженный порой с непониманием, несогласием и тому подобное. Так, иногда во время коммуникативного акта люди делятся и нонсенсом, ярко выраженным не столько в словах, взглядах и концепциях, сколько в поступках и действиях. Семиотика считает нонсенс значением для именованного бессмысленного, а герменевтика – временным явлением с перспективой замещения значением или

пониманием. Однако в обоих случаях не прослеживается возможность выхода за пределы дискурсивности, равно как и потенциал открытия трансдискурсивного или транссемиотического содержания.

Тема соотношения бытия и репрезентаций разработана в постструктуралистской стратегии Ж. Делеза. Нечто, находящееся за пределами значений, философ называет различием – философемой, обозначающей главный принцип бытия и скрывающейся за множеством значений. За разнообразием и богатством множественного мира, становлению которого способствует уровень значения, Ж. Делез обнаруживает Событие и утверждает: «нет ничего, кроме События – одного лишь События, *Eventum tantum* для всех противоположностей, которое коммуницирует с самим собой благодаря собственной дистанции и резонирует сквозь все свои разрывы» [10, с. 234]. Итак, универсальный акт различения находится за пределами значения, не имеет никакого конкретизирующего обозначения, кроме нонсенса как средоточия смысла, поскольку встреча с нонсенсом представляет собой встречу с различием – главным принципом бытия.

Отход от постулатов постмодернистской методологии, возврат различия между смыслом и значением, а также выявление экстраинтерпретативных компонентов смысла прослеживается в хайдеггерианской философии. Ключевым концептом при философском изучении вопроса «что есть человек» [11, с. 45] становится понятие *dasein*, содержащее модус присутствия как возможный способ быть. Фундаментальная категория возможного позволяет определить смысл как возможность стать другим, как артикуляцию понимания, что, в свою очередь, определяется как «умение быть» [11, с. 143].

Аналитика *dasein* сказывается и на дихотомии «сознание - тело», обнаруживая помехи сознания и тела, что распространяется не только на человека, но и на мир. Следствием такого понимания становится важный вывод, что смысл как возможность бытия предполагает вещественность, в равной степени идеальную и материальную.

Следует отметить, что философский вектор, направленный на изучение аспектов человеческого бытия, которые не сводятся к системе значений и их интерпретации, не в последнюю очередь обусловлен спецификой информационного и постинформационного общества, атрибутированного постоянным увеличением информации, ускорением обмена данными, все большим «погружением» в виртуальное пространство. Это, в свою очередь, актуализирует феномен присутствия как материально-телесного аспекта человеческого существования [12].

Присутствие как пространственно-телесное измерение человеческого бытия в основном характеризует динамику взаимоотношений и взаимодействия людей в коммуникативном пространстве. Именно здесь проблематизируется присутствие (в отличие от чего-то стабильного, гарантированного и имеющегося), что подчеркивает проблематичность человеческого существования как такового. Так, в частности, дискуссионными остаются вопросы отличия присутствия от физического или материального наличия, обусловленности присутствия временным аспектом и тому подобное.

Обостряя проблему присутствия, Х. Гумберт, отмечает: «для нас явления присутствия всегда происходят как “эффекты присутствия”, ибо они неизбежно окружены, окутаны, можно даже сказать, опосредованы облаками и подушками значений» [12, с. 110]. С другой стороны, «присутствие и значение всегда появляются вместе и всегда находятся в конфликте», что делает невозможным объединение их в рамках одной «сбалансированной феноменальной структуры» [12, с. 109]. В дихотомии присутствия и значения именно присутствие оказывается более значимым, чем то, что принадлежит уровню значений, который, в свою очередь, становится лишь фоном для проявления присутствия, аффлектирует человека, заставляет его меняться и, в итоге, порождает смысл.

На потенциал превращения вследствие разговора как встречи указывал и Г.- Г. Гадамер: «Разговором для нас было нечто такое, что впоследствии оставило в нас какой-то след. Разговор не потому стал разговором, что мы узнали о чем-то новом ... разговор способен превращать человека» [13, с. 87]. В таком

высказывании четко прослеживается мысль, что диалог/отношение с другим (в отличие от акта коммуникации как сугубой передачи информации) открывает человеку новые горизонты бытия; при этом циркуляция информации не является главным и единственным содержанием разговора, а служит ареной, на которой обнаруживается присутствие. Следовательно, важным условием порождения смысла становится колебание между значением и присутствием.

Феноменологическая традиция, обращаясь к дискурсивным и телесным измерениям субъективности, реабилитирует сущность человека, осмысливая его телесность не как пассивную плоть или биологический субстрат-организм, а как особый тип присутствия человека в мире – «интенциональное присутствие» [14]. При этом телесный опыт считается первичным для организации мира.

Так, для М. Мерло-Понти нет предела между восприятием и тем, что воспринимается, а условия восприятия мира заданы человеку его телом. Тело, прежде всего, нечто говорящее – экспрессивный, интенциональный источник значений. Сама же интенциональность тела, направленность его на что-то становится способом существования в мире, совершая онтологическую замену «я мыслю» конструктом «я могу» [14, с. 185]. Как следствие, телесные ощущения и возможности становятся модусами открытия человеком мира, а также источником порождения смыслов и значений. Вместо выделения языка тела (с его природными знаками) и вербального языка (как системы конвенциональных референтных знаков) М. Мерло-Понти постулирует целостность любых жестов, которые начинаются с тела и завершаются в речи/письме.

Понимание взаимодействия телесного и дискурсивного дополняет обращение к этическому учению Ж.-Ф. Лиотара, а именно – его концепции возвышенного. Следуя кантовским теоретико-эстетическим взглядам, философ определяет возвышенное как «противоречивое чувство, соединяющее удовольствие и муку, радость и тревогу, предельное возбуждение и глубокую подавленность» [15, С. 227]. Возвышенное для Ж.-Ф. Лиотара неразрывно связано с телесностью и предполагает проблематизацию желания как определенного разрыва «между

«знать» и «желать»..., конфликтом между языковой игрой, исходящей от денотатов и отвечающей только критерию истинности, и другой языковой игрой, диктующей определенную этическую, социальную, политическую практику и необходимо содержащей решения и обязательства, либо высказывания, от которых ждут, чтобы они были справедливыми, а не истинными...» [16, с. 82]. Фигуральное (по Ж.-Ф. Лиотару – желание в самой его актуализации) в общественной жизни проявляется повсеместно и заявляет о себе в виде фигур сингулярности, избегая общего и системного.

В итоге, если М. Мерло-Понти считает, что субъект открывает мир через чувственное восприятие и наделяет его значениями через телесную причастность, то Ж.-Ф. Лиотар, проводя границы такого чувственного контакта, утверждает зависимость субъекта от собственной способности телесного «означивания», обусловленного зависимостью человека от своих же аффектов. Более того, человеческое существование, согласно Ж.-Ф. Лиотару, напоминает состояние детской неспособности и беспомощности при столкновении с непонятными и переполняющими такое существование явлениями действительности: «В техно-научном мире мы подобны Гулливеру: то слишком велики, то слишком малы – всегда не того масштаба» [17]. Ж. - Ф. Лиотар, равно как и М. Мерло-Понти, говорит о неразделимости тела и речи, однако первый акцентирует на телесной способности к выражению, тогда как второй сосредотачивается на несоответствии и разрыве при соприкосновении с несоизмеримым-возвышенным.

Такие философские постулаты позволяют еще раз подчеркнуть наличие в мире (кроме ведущей роли языка и языковых значений) «провалов» в уровне значений, которыми люди делятся в коммуникативном акте и которые открывают специфический транссемиотический уровень, позволяющий принципиально иначе пережить мир, собеседника и коммуникацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шелер М. Избранные произведения. – Москва: Гнозис, 1994. – 490 с.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2004. – 400 с.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – Москва: Прогресс, 1988. – 704 с.
4. Деррида Ж. О грамматологии. – Москва: Ad marginem, 2000. – 511 с.
5. Барт Р. Мифологии. – Москва: Академический проект, 2008. – 351 с.
6. Барт Р. S/Z. – Москва: Академический проект, 2009. – 373 с.
7. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Politics. – London: Verso, 2001. – 240 p.
8. Лакло Э. Невозможность общества. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2002_14.htm. (дата обращения: 21.10.2019).
9. Laclau E. Subject of Politics, Politics of Subject. *Emancipation (s)*. P. 47–65, 48–51.
10. Делез Ж. Логика смысла. – Москва: Раритет, Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – 480 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. – Санкт-Петербург: Наука, 2006. – 451 с.
12. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: Чего не может передать значение. – Москва: Новое литературное обозрение, 2006. – 184 с.
13. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – Москва: Искусство, 1991. – 367 с.
14. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – Санкт-Петербург: «Ювента»; «Наука», 1999. – 608 с.
15. Лиотар Ж.-Ф. Возвышенное и авангард. *Метафизические исследования. Культура*. Альманах Лаборатории Метафизических Исследований при философском ф-те Санкт-Петербургского государственного унта. Вып. 4. – Санкт-Петербург: «Алетейя», 1997. – С. 224-241.

16. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. – 160 с.
17. Лиотар Ж.-Ф. Заметка о смыслах «пост» URL: http://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/s_post.txt (дата обращения: 14.11.2019).

SCI-CONF.COM.UA

SCIENTIFIC ACHIEVEMENTS OF MODERN SOCIETY

**ABSTRACTS OF VII INTERNATIONAL
SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
MARCH 4-6, 2020**

**LIVERPOOL
2020**

SCIENTIFIC ACHIEVEMENTS OF MODERN SOCIETY

Abstracts of VII International Scientific and Practical Conference
Liverpool, United Kingdom
4-6 March 2020

**Liverpool, United Kingdom
2020**

UDC 001.1

BBK 83

The 7th International scientific and practical conference “Scientific achievements of modern society” (March 4-6, 2020) Cognum Publishing House, Liverpool, United Kingdom. 2020. 1091 p.

ISBN 978-92-9472-193-8

The recommended citation for this publication is:

Ivanov I. Analysis of the phaunistic composition of Ukraine // Scientific achievements of modern society. Abstracts of the 7th International scientific and practical conference. Cognum Publishing House. Liverpool, United Kingdom. 2020. Pp. 21-27. URL: <http://sci-conf.com.ua>.

Editor

Komarytskyy M.L.

Ph.D. in Economics, Associate Professor

Editorial board

prof. Jan Kuchar, CSc.

doc. PhDr. David Novotny, Ph.D.

doc. PhDr. Zdenek Salac, Ph.D.

prof. Ing. Karel Marsalek, M.A., Ph.D.

prof. Ing. Jiri Smolik, M.A., Ph.D.

prof. Karel Hajek, CSc.

prof. Alena Svarcova, CSc.

prof. Marek Jerabek, CSc.

prof. Vaclav Grygar, CSc.

prof. Vaclav Helus, CSc.

prof. Vera Winterova, CSc.

prof. Jiri Cisar, CSc.

prof. Zuzana Syllova, CSc.

prof. Pavel Suchanek, CSc.

prof. Katarzyna Hofmannova, CSc.

prof. Alena Sanderova, CSc.

Collection of scientific articles published is the scientific and practical publication, which contains scientific articles of students, graduate students, Candidates and Doctors of Sciences, research workers and practitioners from Europe, Ukraine, Russia and from neighbouring countries and beyond. The articles contain the study, reflecting the processes and changes in the structure of modern science. The collection of scientific articles is for students, postgraduate students, doctoral candidates, teachers, researchers, practitioners and people interested in the trends of modern science development.

e-mail: liverpool@sci-conf.com.ua

homepage: <http://sci-conf.com.ua>

©2020 Scientific Publishing Center “Sci-conf.com.ua” ®

©2020 Cognum Publishing House ®

©2020 Authors of the articles